

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

И. М. ТРОНСКИЙ

ЯЗЫК ГОМЕРА *

Текст гомеровских поэм в той форме, в какой он сохранен нам византийской рукописной традицией, содержит не только те языковые плоды, амальгама которых составляет самую суть эпического наддиалекта, но и много гораздо более поздних наслоений. Это вполне естественно, поскольку из весьма внушительного числа рукописей, содержащих текст той или другой поэмы — около 200 для «Илиады» и около 75 для «Одиссеи»¹ — ни одна не старше X в. н. э.

Дошедший до нас текст гомеровских поэм, восходящий к аттической редакции, поступил в Атику с основными своими лингвистическими особенностями из малоазийской или островной Ионии, где античная традиция доказывает деятельность Гомера, возможно — с того самого Хиоса, на котором в VI в. до н. э. существовали возводившие себя к Гомеру «гомериды»², профессиональные исполнители произведений своего «предна». Действительно, преобладающий диалектный колорит поэм — ионийский, но он сопровождается различными примесями, что не могло остаться незамеченным уже в античные времена³.

Чтобы продемонстрировать характер этого смешения и вопросов, возникающих при его исследовании хотя бы на одном небольшом связанном тексте, возьмем первые семь стихов «Илиады». Это — отрывок «среднего» гомеровского уровня, без особенных архаизмов и без резко выраженных поздних явлений.

Μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος | οἰκόμενῃν, ἣ μοῖρ' Ἀχαιοὺς ἄλγε' ἔειπες,
πολλὰς δ' ἰφθίμοις φούρας ἄϊδι προΐαφεν | πρόβην, αὐτοὺς δὲ ἔλεον ταῦτε κύνεσσιν
οἰσινόε' τε δαίτη, Διὸς δ' ἐπέλεστο βουλὴ ἔξ ὅ δ' ἦ τὰ πρῶτα διαστήτην | ἐρίσαντε
Ἀτρεΐδης τε ἄναξ ἀνδρῶν καὶ δῖος Ἀχιλλεύς.

* Публикуемая статья Иосифа Моисеевича Тронского (1897—1970) — основной текст его доклада, прочитанного в октябре 1970 г. на заседании Сектора индоевропейских языков Ленинградского отделения Института языкознания за несколько дней до смерти. И. М. Тронский предполагал продолжить работу над избранной темой. Акад. В. М. Жирмунский в материалах, направленных в редакцию нашего журнала, писал, что настоящая статья должна была лечь в основу главы будущей книги и что рукопись этого неоконченного труда готовится к печати. Акад. В. М. Жирмунский предполагал сопроводить статью «Язык Гомера» краткой характеристикой научного пути И. М. Тронского, но внезапная смерть помешала ему выполнить свой замысел (Примеч. редакции).

¹ Из них только семь содержат «Илиаду» и «Одиссею» вместе.

² Acusilaus, LF 2 Jac.

³ Часто цитируемое в этой связи место из «Троянской речи» Дιονисия Хрисостома (XI 23 — в ионической контексте «анаподон» на Гомера) мало что дает языковеду. Дιονисий исходит из представления, что нормальным «эллиническим» языком является аттико-ионическое койне, и, соответственно, усматривает в находимых у Гомера элементах любого диалекта «гlossы». При этом он перечисляет все три диалекта античной теории — ионийский, дорийский и ионийский, — хотя доризмов у Гомера в действительности нет.

Первое слово $\mu\eta\gamma\iota\varsigma$ имеет ионийскую форму, с η , восходящей к $\tilde{\alpha}$ (ср. дор. $\mu\eta\gamma\iota\omega$); то же в ст. 2 ($\sigma\iota\lambda\omicron\mu\epsilon\nu\eta\eta$, $\tilde{\eta}$), 5 ($\sigma\iota\lambda\lambda\tilde{\eta}$), 6 ($\delta\iota\alpha\sigma\tau\eta\tau\eta\nu$), 7 ($\Lambda\tau\omicron\sigma\epsilon\delta\eta\varsigma$). Одной этой особенностью, систематически проходящей через весь гомеровский текст, достаточно, чтобы определять его как ионийский в своей основе. Но этому противоречит в том же первом стихе слово $\theta\epsilon\tilde{\alpha}$, которое не только имеет не-ионийскую форму (было бы * $\theta\epsilon\eta$ как в собственном имени Афины), но вообще не существует в ионийском диалекте. По-ионийски «богиня» — $\theta\epsilon\omicron\varsigma$, в женском роде, и это — архаическая особенность; новообразование $\theta\epsilon\tilde{\alpha}$ распространилось только по дорийским и эолийским говорам. Поскольку доризмов у Гомера нет, $\theta\epsilon\tilde{\alpha}$ нашего текста должно рассматриваться как эолizm. В эпическом языке употребляется как $\theta\epsilon\tilde{\alpha}$, так и $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ в женском роде, дифференцируясь ритмико-просодически, местом в стихе, и тем, что они входят в различные традиционные формулы ($\mu\acute{\omicron}\tau\omicron\nu\alpha\ \theta\epsilon\tilde{\alpha}$, $\delta\epsilon\iota\nu\eta\ \theta\epsilon\omicron\varsigma$ и т. п.)⁴.

Вполне согласуется с ионийским характером эпоса утрата «дигаммы» ($\tilde{\epsilon}$), т. е. $\tilde{\epsilon}$, в таких формах, как $\tilde{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\omega$, $\Pi\eta\lambda\eta\gamma\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\delta}\omega$, $\tilde{\Lambda}\chi\tilde{\iota}\lambda\tilde{\iota}\tilde{\omicron}\varsigma$ (ст. 1), $\tilde{\Lambda}\chi\tilde{\iota}\lambda\tilde{\iota}\tilde{\omicron}\varsigma$ (ст. 2), $\tilde{\Lambda}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\tilde{\iota}$ (ст. 3), $\tilde{\Lambda}\tau\tilde{\rho}\epsilon\tilde{\iota}\tilde{\delta}\eta\varsigma$ (ст. 7), восходящих к * $\tilde{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\omega$ и т. д. Именно в ионийском диалекте, и в частности в малоазийской Ионии, имело место самое раннее выпадение $\tilde{\epsilon}$ во всех позициях. В рукописях гомеровских поэм дигаммы нет. Но это совсем не значит, что она не оставила никаких отражений. Бесследно она исчезла в интервокальной позиции, к которой относятся все приведенные примеры, и где ее отсутствие или наличие просодически безразлично. Иначе в начальном положении. Стык гласных в словоразделе (hiatus) групп $\tau\epsilon\ \tilde{\alpha}\nu\alpha\tilde{\epsilon}$ (ст. 7), недопустимый в обычных условиях, стал возможен только потому, что $\tilde{\alpha}\nu\alpha\tilde{\epsilon}$ восходит к $\tilde{\epsilon}\tilde{\alpha}\nu\alpha\tilde{\epsilon}$ (ср. микенск. $\tilde{\omega}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\kappa}\tilde{\alpha}$). Так, вероятно, обстоит дело и с группой $\delta\tilde{\epsilon}\ \tilde{\epsilon}\lambda\tilde{\omega}\tilde{\rho}\tilde{\iota}\tilde{\kappa}\tilde{\alpha}$ (ст. 4)⁵. Исчезнувший в живой речи звук оставил рефлексы в просодии стиха. Вычислено, что в гомеровских поэмах имеются 3354 случая просодических следов дигаммы. И, рядом с этим, 617 мест, где та же просодия прямо свидетельствует о ее выпадении⁶. К этому противоречию системы гомеровского языка мы еще вернемся. Здесь важно установить сосуществование в традиционном языке эпоса слоев различной хронологической глубины, не связанных обязательно с диалектными различиями.

Форма $\tilde{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\omega$ вызывает еще одно замечание. Живая ионийская речь широко практиковала слияние гласных, но эпос остается в этом отношении весьма сдержанным и архаистическим: * $\tilde{\alpha}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\omega > \tilde{\alpha}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\omega$ (в позднейшей графике $\tilde{\epsilon}\tilde{\delta}\omega$), но стяженных форм этого глагола в гомеровских поэмах еще нет. Одним из средств избежать контракции служит употребление более редких родственных слов; так, в ст. 5 $\tilde{\epsilon}\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\sigma}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$ образовано от $\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$ (<* $\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$), поскольку соответствующая форма от $\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$ либо была невозможна для стиха ($\tilde{\epsilon}\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$), либо требовала контракции ($\tilde{\epsilon}\tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$). Однако формула с контракцией $\tau\tilde{\alpha}\ \delta\tilde{\eta}\ \nu\tilde{\omega}\ \mu\acute{\omicron}\tau\omicron\nu\alpha\ \tilde{\tau}\tilde{\epsilon}\tilde{\lambda}\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}$ встречается дважды в «Илиаде» и пять раз в «Одиссее».

Рядом стоящие формы родительного падежа в конце первого стиха «Илиады» иллюстрируют двойное отношение эпического языка к одному

⁴ H. Humbach, $\theta\epsilon\tilde{\alpha}$ und feminines $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ bei Homer, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 7, 1955, стр. 46—55.

⁵ Очень возможно, что возведение * $\tilde{\Lambda}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\tilde{\iota}$ к корню $\tilde{\epsilon}\tilde{\iota}\tilde{\delta}$ — не более, чем народная этимология, но в гомеровском эпосе, где шаткая-невыдвинка именуется * $\tilde{\Lambda}\tilde{\iota}\tilde{\delta}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}\tilde{\varsigma}$ χνίτις («Илиада», V 845) это словопроизводство, по-видимому, принято певцами.

⁶ P. Chantraine, Grammaire homérique, I, Paris, 1942, стр. 159.

⁷ L. P. Palmer, The language of Homer, сб. «Companion to Homer», ed. by A. J. Wace and F. H. Stubbings, London, 1963, стр. 101.

⁸ G. F. Shippey, Studies in the language of Homer, Cambridge, 1953, стр. 104—136.

к тому же фонетическому процессу. В форме Πηληϊάδω произошла новийская «количественная метатеза» (metathesis quantitatis) после новийского же перехода $\tilde{a} > \eta$. Конечный элемент $\tilde{a}o > \eta o > \omega o$, которых произносится относительно (ew), в порядке скинзасы. Иначе в форме 'Αυλῆρος, где группа ηo сохранена без «количественной метатезы».

Правда, в данном случае могла иметь место модернизация, и за ωo может скрываться встречающееся 167 раз в «Илиаде» более старинное (или эолийское) $\tilde{a}o$ с элизией $\tilde{o}$ перед гласным началом следующего слова Πηληϊάδω 'Αυλῆρος. Но в других местах, например, в формуле Κρόνω παῖς 'αὐχὸς ἔρχετο, конечный элемент ωo представляется бесспорно вошедшим в инвентарь эпического языка.

В ст. 2 οὐλομένην, где ω служит графическим обозначением долгого закрытого ϕ , представляет собой «поэтическую» форму вместо οὐλομένην, — с «метрическим» удлинением краткого закрытого ϕ (α) ⁹. Мы имеем здесь дело с самостоятельной закономерностью поэтического наддиалекта, не находящей себе соответствия в территориальных диалектах.

Другой интересный случай автономной закономерности эпического языка мы находим в соотношении между формами дательного падежа множественного числа тематического склонения на οἷς ('Αυχίοις, ст. 2) и -οἰσι (οἰωμένοι, ст. 5) ¹⁰. Окончания эти имеют различное происхождение и еще в микенском принадлежали разным падежам: -οἷς служило конечным элементом инструментального падежа, а дательно-местный оканчивался на -οἰσι (> οἰή, в микенской графике -ο-ι, с последующим восстановлением $\tilde{o}$ между гласными по аналогии с согласным склонением). При слиянии инструментального с дательно-местным огромное большинство диалектов выбрало для себя одну из форм, — чаще всего -οἷς, но в новийском, памфилийском и лесбийском имеем -οἰσι. Эпический язык сохранил обе древние формы, сообщив им новое распределение -οἰσι перед начальным согласным следующего слова, -οἷς в прочих случаях, т. е. перед словом, начинающимся с гласного, и в конце стиха ¹¹. В этих последних позициях возможен и третий, наиболее поздний вариант -οἰσι, с новийским подвижным χ . Впрочем употребление χ перед ϵ в конце стиха (в нашем тексте ст. 2—4 ἔθρεν, προῖαφεν, κίεσσιν) не имеет твердой опоры в традиции текста: рукописи колеблются, и правило о постановке подвижного χ перед гласным началом следующего стиха фиксируется только византийцами, хотя иногда применяется и в более раннее время.

Глубокий, но весьма живучий архаизм гомеровского языка — факультативность приращения (аугмента) в претеритальных формах изъявительного наклонения, ἔθρεν (ст. 2) с приращением, но προῖαφεν (ст. 3), ταῦδε (ст. 4), διαστῆτεν безаугментно; в ст. 5 можно колебаться, читать ли с рукописями δ'εταῖετο или δε ταῖετο. Диалекты первого тысячелетия до н. э. не знают уже этой факультативности, — аугмент стал обязательным, — но с отсутствием приращения мы встречаемся в микенских надписях. Статистические исследования показывают, что в повествовательных частях эпоса преобладают безаугментные формы, а в речах и сравнениях, т. е. в стилистически более позднем слое, аугментированные, но при выборе между одними и другими образованиями играют роль также и другие факторы, например — длина слова ¹².

⁹ Р. Chantraine, указ. соч., стр. 97.

¹⁰ И. М. Троский, Дательный падеж множественного числа основ на -ο- в греческом языке, «Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского», М. — Л., 1964, стр. 94—103.

¹¹ Там же, стр. 102—103 об единичных исключениях.

¹² A. Platt, The augment in Homer, «Journal of philology», XIX, 1891, стр. 211—237; A. J. A. Drewitt, The augment in Homer, «Classical quarterly», VI, 1, 1912, стр. 44—59, № 2, стр. 104—120.

В ст. 4 находим *ἐλφικ*, морфологический дублет к *ἐλφок*, засвидетельствованный только здесь, и ярко выраженную эолийскую форму дательного падежа множественного числа согласного склонения *ἐλφικῶν* (v), встречающуюся у Гомера четыре раза, — только в «Илиаде», — наряду с более обычным *ἐλτί* (v) (12 раз)¹³. Но особенно показательный случай гомеровской морфологической дублетности — родительный падеж единственного числа тематического склонения. Имеются две формы — на -οιο и на -οο. Как указывает П. Шантрэн¹⁴, первая встречается около 1800 раз, вторая 1880 раз. Однако замечено, что -οο в стиховом повышении перед гласным могло быть заменой древнего элидированного -οι (ο). С другой стороны, -οο в понижении перед согласным заместило, по-видимому, во многих случаях древнее -οο. Однако, если оставить в стороне эти случаи, и в «Илиаде» и в «Одиссее» есть много несводимых -οο. В нашем тексте сюда относится *οὐ<οο* (ст. 6) от относительного местоимения, которое, однако, не имеет параллельной формы на -οιο.

Окончание родительного падежа на -οιο — эолийское окончание, сохранившееся в первом тысячелетии только в восточной Фессалии, но связываемое эпический язык с микенским; окончание родительного падежа -οο (<*ο:ο) имеют восточно-греческая (протоионийская) и западно-греческая (протодорийская) ветви диалектов; это οο стягивается либо в *οι* (δ), как в ионийско-аттическом, либо в -οο.

Синтаксические нормы позднейшей греческой прозы потребовали бы в таком тексте, как вышеприведенный, многократного употребления артикля. У Гомера он встретился лишь один раз, *τῷ* *πρῶτῳ* (ст. 6) для субстантиваций порядкового числительного, употребленного в винительном падеже множественного числа среднего рода с адвербиальным значением «впервые». Возможность такой функции формы *τῷ* свидетельствует о том, что она уже стала в обыденной речи подлинным артиклем, и на это же указывают ионийские памятники VII в. (Архилох и др.). В этих условиях крайне редкое использование артикля у Гомера должно рассматриваться как архаизм поэтического наддиалекта. «Неупотребление артикля, — пишет М. Лейман, — уже в эпосе представляет собою поэтизм; обыденный язык прорывается в редких случаях постановки артикля»¹⁵. Здесь архаизм состоит в недопущении нового, развивающегося в языке. Архаизмом другого рода является двойственное число глагольной и причастной форм *διὰ τῶν ἐνδοχῶν*. Из всех диалектов греческого языка аттический является наиболее консервативным в отношении двойственного числа. У читателя, приступающего к Гомеру с навыками аттической прозы, ограниченное и даже путаное использование *dualis*'а в эпосе создает впечатление прогрессивного языкового развития, изживающего древнюю категорию. Однако по сравнению с живым ионийским, в котором от двойственного числа не осталось и следа, гомеровская трактовка *dualis*'а представляется далеким и мертвенным архаизмом. Высказывалось даже предположение, будто двойственное число было оживлено в гомеровском тексте аттической редакцией. В этой гипотезе нет нужды: она не учитывает в достаточной мере консервирующую силу эпической традиции. В разобранном тексте есть только одно «аттическое» явление — густое придыхание (2 *ῥ*, 4 *ῥωον*, *ἐλφικ*, 6 *οἱ*), утраченное и в ионийском и в эолийском языке Лесбоса.

¹³ В стихе 5 я принял чтение Зенодота *ἐλτί*. В связи с чаще встречающимся в изданиях чтением Аристарха *ἐλτί* можно сделать аналогичное наблюдение. Согласно словарю Эбелинга («Lexicon Homericum», ed. H. Ebeling, I—III, Lipsiae, 1880—1885), форму *ἐλτί* мы имеем у Гомера более, чем в 130 случаях, а *ἐλφικ* — 32 раза.

¹⁴ P. Chantraine, указ. соч., стр. 194.

¹⁵ M. Leumann, *Homeric Words*, Basel, 1950, стр. 12.

В заключение надлежит отметить фонетические варианты λ и λλ в формах Ἀχιλλεύς (ст. 1) и Ἀχιλλεύς (ст. 7). Происхождение этого имени собственного неизвестно, и трудно сказать, является ли двойственность его вариантов некую поэтическую вольность, адаптацию имени к требованиям метра, или эти фонетические дубликаты действительно имелись в греческих говорах.

Разаумеется, первые семь стихов «Илиады» содержат лишь ничтожную долю фонетико-грамматических особенностей, необходимых для характеристики гомеровского языка; тем не менее, некоторые основные, встречающиеся в массовом порядке явления уже прошли перед нами, и они позволяют дать некую предварительную характеристику лингвистической системы древнегреческого эпоса. Она предстает как наддиалект, далеко отходящий от территориальных греческих говоров VIII—VII вв. до н. э. (наиболее вероятная дата «Илиады» и «Одиссеи» в их завершеном виде), даже от ионийского диалекта этого времени, и находящийся с ним в очень сложных взаимоотношениях. Гомеровский язык — обширноеместилище словоформ и словосочетаний, разноместных и разновременных, — не только по происхождению, но и по несовместимости их, несихронности с точки зрения реальной истории греческой живой речи, — в иных случаях даже возникших в самом эпосе по внутренним законам его лингвистического развития. И все это сопряжено в единую систему, упорядоченную в ее семантических и ритмико-просодических противопоставлениях. Один из основных ее законов — просодическая неравноценность, за редкими исключениями, многочисленных возникающих в ней дублетов. Все рассмотренные нами изосемантические «пары», будь то лексические или фонетико-морфологические, θεά и θεός, ἔλβριον и ἔλβρ, формы с учетом и без учета начальной дагммы, с единственным и геминированным согласным, с наличием и отсутствием аугмента или -v, с чередованием надежных форм на -α и -εα, -οκ и -οκτ, -ατ и -εατ, -οιο и -οο и т. д., — дифференцированы просодически, имеют различный состав кратких и долгих слогов или различную дистрибуцию гласных и согласных в начале и исходе слова. Каждое образование занимает свое особое место в стихе, и «дубликаты» не могут быть взаимозаменяемы без изменения рядом стоящих слов. Изыточности здесь нет, это — заготовительные запасы для богатства и многообразия средств выражения.

Возвращаясь к вопросу о полидиалектных источниках этого многообразия, необходимо прежде всего остановиться на подчеркивавшемся уже в древности эолийском ингредиенте гомеровского языка¹⁶. Показательно, что изоглоссы, принадлежащие эолийской группе в целом и объединяющие лесбийский с фессалийским и беотийским¹⁷, все без исключения встречаются в качестве побочных форм у Гомера. Сюда относятся в первую очередь: 1) губные отражения лабиовелярных перед гласными переднего ряда — эол. τέσσερες «четыре» рядом с ионийским τέσσαρες, φίλος (=φίλος) для обозначения фессалийских говоров; 2) окончание -εατ в дательном падеже множественного числа согласного склонения (κότερα, см. выше).

¹⁶ Основная материал по этому вопросу собран был уже в диссертации Гинрихса (G. H. n r i c h s. De Homericarum elocutionis vestigiis Aeolicis. Jena, 1875). Также см.: P. C a u e r, Grundfragen der Homerkritik, I, Leipzig, 1921, стр. 147—179; M. P. N i l s s o n, Homer und Mycenae, London, 1933, стр. 160—174; A. T h u m b — A. S c h e r e r, Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, 1959, стр. 209—214; A. B a t t o n k, Zur Frage der Aolischen und Achäischen in der homerischen Sprache, 66. «Minois und Homer», Berlin, 1961, стр. 1—9; V. G e o r g i e v, Das Problem der homerischen Sprache im Lichte der kretisch-mykenischen Texte, там же, стр. 10—19; «Companion to Homer», стр. 97—106 (L. R. Palmer); G. S. K i r k, The songs of Homer, Cambridge, 1962, стр. 145—156.

¹⁷ A. T h u m b — A. S c h e r e r, указ. соч., стр. 4.

Обе эти инновации интересны для нас тем, что они относятся к более позднему времени, чем микенские документы, и связывают гомеровский язык не с протоэолийским через микенский поэтический наддиалект, а с историческим эолийским первого тысячелетия до н. э. Их следует поэтому отделять от таких — тоже общеолийских — явлений, как $\rho < *r$ (у Гомера $\tau\rho\rho\sigma\tau\omega\nu$ наряду с $\tau\rho\alpha\rho\tau\omega\nu$, где $*r > \alpha\rho$) или патронимические прилагательные типа $\tau\epsilon\lambda\alpha\rho\iota\omega\nu\varsigma$ $\Delta\iota\alpha\varsigma$, которые засвидетельствованы для микенского. Некоторые гомеровские элизмы не поддаются датировке: $\iota\alpha (= \mu\iota\alpha)$, перфектное причастие с суффиксом $-\omega\iota$ ($\kappa\epsilon\lambda\eta\rho\omega\iota\tau\epsilon\varsigma$ рядом с обычным $\mu\epsilon\lambda\epsilon\omega\tau\epsilon\varsigma$). К числу характерных эпических элизмов относится гемнация носовых в группах «а + носовой» — $\acute{\alpha}\mu\iota\alpha\varsigma$, $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\mu\epsilon\iota\alpha$, $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\mu\epsilon\upsilon\omega\varsigma$ (Лесбос, Фессалия), $\kappa\alpha\lambda\epsilon\sigma\alpha$ по аналогии с $\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (Лесбос, Беотия), инфинитивы на $-\mu\epsilon\upsilon$ (Фессалия, Беотия), $-\mu\epsilon\upsilon\mu\iota$ (Лесбос), некоторые спорадические процессы, как, $\zeta < \delta\iota$, например, $\zeta\alpha\theta\epsilon\omega\varsigma$ (Лесбос), переход дигаммы во второй элемент дифтонга — $\epsilon\upsilon\alpha\delta\alpha$, $\tau\alpha\lambda\alpha\rho\iota\omega\nu\varsigma$ и т. п. (Лесбос). Рукописная традиция гомеровского текста сохраняла также ряд случаев эолийского ударения ($\iota\omega\varsigma$ и т. д.)¹⁹.

Все эти факты известны давно. Исходя из них, исследователи XIX в. склонны были даже относить за счет эолийского ингредिएнта все расхождение эпического языка с ионийским диалектом исторического времени. Дигамма и старое δ , древние общегреческие фонемы, у Гомера рассматривались с этой точки зрения не просто как архаизмы, а как воздействия эолийского языка²⁰. С несколько большим правом находим это влияние в краткой форме предлогов ($\kappa\alpha\kappa$ $\kappa\alpha\rho\alpha\lambda\lambda\eta\varsigma$, $\kappa\alpha\upsilon$ $\kappa\alpha\rho\alpha\lambda\lambda\eta\varsigma$), в частицах $\alpha\iota$ и $\kappa\alpha\upsilon$. Бесспорным элизмом является окончание $-\omega\iota$, но оно принадлежит к протоэолийскому слою и роднит Гомера с микенским. При расширительном толковании элизмы вырастали в почти равноправный с ионийским основной элемент лингвистической системы древнегреческого эпоса.

Для истолкования этого смещения представлялись два пути. Можно было бы предположить, что состав гомеровского языка отражает реальное диалектное смещение в тех районах малоазийского побережья, где ионяне соприкасались с эолиянами и возникал смешанный говор²¹. В частности, ряд элизмов зафиксирован на том самом Хиосе, где находились упомянутые уже «гомериды»²². С этой точки зрения эпический язык не представляет собой самостоятельное лингвистическое явление и только отражает диалектные взаимоотношения живой речи в некоторой местности, которая будто бы и являлась родиной эпоса, по крайней мере в его исторически известных формах. При этом совершенно недостаточно учитывается известный нам уже наддиалектный характер гомеровского языка, равно как и то, что в нем смешиваются явления не только разных говоров, но и разного времени. Элизмы часто являются также и архаизмами и сосредоточены преимущественно в традиционных формульных сочетаниях, для которых ионийский диалект не представляет метрически равноценной замены. Но даже если принять указанную постановку вопроса о смешанных говорах, удовлетворительного ответа не получается. Там, где действительно имеются элизмы в ионийских говорах, диалектное смещение совсем не похоже на гомеровское: хиосских элизмов ($\omega\upsilon > \omega\varsigma$, род. падеж $\delta\epsilon\omega\upsilon$ от $\delta\epsilon\iota\chi$ и

¹⁹ И. М. Т р о н с к и й, Древнегреческое ударение, М.—Л., 1962, стр. 10.1

²⁰ По отношению к дигамме это было бы в какой-то мере продолжением античной традиции: греческие грамматиканы знают ее главным образом из латвийской диалектики и называют $\Delta\iota\omega\lambda\iota\kappa\omega\nu$ $\delta\iota\gamma\mu\mu\alpha$; это наименование долго сохранялось, даже после того, как Бевтл установил следы дигаммы у Гомера.

²¹ См., например: U. von Wilamowitz-Moellendorf, Über die tonische Wanderungen, «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften», 1906, стр. 61 и сл.

²² F. B e c h t e l, Die griechischen Dialekte, III, Berlin, 1924, стр. 32.

исторического развития языков греческой литературы, включает в себе содержательную главу о гомеровском языке. В заключительном разделе автор обращает внимание на многочисленные контакты гомеровского словаря с аркадо-кипрским («ахейским»). Действительно, ряд слов, встречающихся у Гомера или, кроме Гомера, в позднейшей поэзии, известны в прозаическом употреблении только из памятников аркадо-кипрского диалекта; таковы *οἶ(ς)ος* («единственный» (др.-перс. *aiva*), *δέκτο* («назатыся», частица *αἰτάρ* «с другой стороны» и др. Это было замечено еще в 80-х годах прошлого века²⁷, но старое наблюдение послужило теперь основой для нового вывода, правда очень осторожно сформулированного. За эолийской стадией эпоса Мейе усмотрел возможность еще более древней «ахейской». Прямых данных об этом не было, но гипотеза содержала значительную долю внутренней исторической вероятности. Аркадский и кипрский — два расцепившихся диалекта, восходящие к говорам до-дорийского Пелопоннеса, к языку важнейших центров микенской культуры. Что столь значительная по размаху культура не обходилась без песнопений, в частности, эпических, и что певцы услаждали хозяев микенских дворцов, можно было постулировать и без прямых данных²⁸. С другой стороны, тесные связи содержания гомеровских поэм с микенской культурой не оставляли сомнения в непрерывном и преемственном развитии эпического творчества от микенских времен вплоть до Гомера. К Мейе присоединились, и притом с большей уверенностью, чем это было у него самого, исследователи гомеровских формул, М. Парри²⁹ и ветеран изучения микено-гомеровских связей М. П. Нильсон³⁰. Их труды укрепили убеждение гомероведов в том, что надлежит оперировать уже не двумя, а тремя стадиями греческого эпоса — «ахейской», эолийской и ионийской.

С отдаленной точки зрения можно было бы оспаривать доказательность словарных сближений Гомера с «ахейским», предположив, что аркадская и кипрская лексика является не источником эпической, а, наоборот, заимствована из эпоса. Баура отверг эту теоретическую возможность³¹. Тем не менее она была вновь выдвинута Лейманом³² в его «Homerische Wörter» — и вновь отведена, после подробного разбора, Руэйтом³³; однако эта последняя полемика имела место уже после дешифровки крито-микенского письма В, которая радикально изменила всю постановку вопроса о диалектологической характеристике гомеровского эпоса.

Уже первая публикация Вентриса и Чедвика, в которой они извещали ученый мир о новом открытии, указывала, что новообнаруженная архаическая разновидность греческого языка, — авторы считали ее протоаркадо-кипрской, — близка к языку Гомера³⁴. До дешифровки памятники гре-

²⁷ На это указывает А. Фик (A. Fick, Die homerische Odyssee in der ursprünglichen Sprachform wiederhergestellt, Göttingen, 1883, стр. 324; *ε ρ ο* же. Die homerische Ilias nach ihrer Entstehung betrachtet und in der ursprünglichen Sprachform wiederhergestellt, Göttingen, 1886, стр. 548). О. Гоффман дает большой список аркадо-кипрских гомеризмов (O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte in ihren historischen Zusammenhänge mit den wichtigsten ihrer Quellen, I, Göttingen, 1891, стр. 276—283).

²⁸ Это подтвердила фреска, обнаруженная в Пилосе, см.: «American journal of archaeology», 60, 1956, табл. 41.

²⁹ M. Parry, Studies in the epic technique of oral versemaking, II: The Homeric language as the language of an oral poetry, «Harvard Studies in the classical philology», 43, 1932, стр. 1—50.

³⁰ M. P. Nilsson, Homer and Mycenae, London, 1933.

³¹ C. M. Bowra, Homeric words in Arcadian inscriptions, «Classical quarterly», 20, 1926, стр. 168—176; *ε ρ ο* же, Homeric words in Cyprus, «Journal of Hellenic studies», 54, 1934, стр. 54—74.

³² M. Leumann, Homerische Wörter, Basel, 1950.

³³ C. J. Ruijgh, L'élément achéen dans la langue épique, Assen, 1957.

³⁴ M. Ventris, J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives, «Journal of Hellenic studies», 73, 1953, стр. 18—103.

ческого языка, привлекавшиеся для сопоставления с эпосом, всегда относились к более позднему времени. Теперь стало возможным соотнести архаический наддиалект «Илиады» и «Одиссеи» с памятниками, предшествовавшими Гомеру по крайней мере на полтысячелетия и принадлежавшими той самой эпохе и среде, которая служила предметом эпических песнопений. Было бы неожиданно, даже странно, если бы традиционный язык греческого эпоса не восходил, — в той или иной мере, с теми или иными модификациями, — к фольклорному языку микенской эпохи; в этом случае пришлось бы подвергнуть пересмотру все привычные представления о ходе греческой истории. И действительность не обманула ожиданий. Стой поправкой, однако, что памятники, прочтенные Вентрисом и Чедвиком, явили нам не язык песенного фольклора микенского времени, а другую языковую разновидность, наддиалект административно-хозяйственных документов. Однако даже к этой разновидности гомеровский язык оказался близок — в грамматическом строе, в лексике, в приемах собственных.

В истории греческого языка микенская стадия является предшественницей, хотя и не непосредственной, гомеровского состояния, которое может восходить к ней, как к одному из своих истоков. То, что у Гомера ослабевает, идет на убыль, становится архаизмом, в микенском зачастую остается нормой. Мы уже не говорим о таких недавних процессах нонийского этапа развития, как выпадение η (дигаммы) или переход $\alpha > \eta$ — в микенском эти фонемы еще не поколеблены. Возьмем падежную систему. В микенском сохранилась еще шесть падежей. У Гомера, как и во всех греческих говорах первого тысячелетия до н. э., их осталось только пять: инструментальный слезся с дательно-местным. Однако, как мы уже указывали, гомеровский синкретический дательный падеж сохранил во множественном числе тематического склонения двойственность окончаний, принадлежавших различным падежам — дательно-местному ($-\omega\iota\tau$) и инструментальному ($-\omega\varsigma$), создав для них новое, просодическое распределение, и распространив эту двойственность на I склонение. Пережитком более древнего синкретизма дательного и местного падежей была в микенском вариантность окончаний в единственном числе атематического склонения $-\iota$ (древний дат. падеж) и $-\i$ (древний местн. падеж) и след этого остался у Гомера в возможности расценивать ι не только как краткий, но и как долгий гласный. Полисемантическая форма на $-\phi\iota$, типа $\kappa\epsilon\rho\alpha\lambda\acute{\iota}\phi\iota$, $\epsilon\rho\omega\phi\iota$ и т. д., дублирующая в эпосе у Гомера родительный и дательный падежи любого числа, является в эпическом языке глубоким архаизмом, ослабевшим от «Илиады» к «Одиссее» и вскоре совершенно отмирающим; в микенской системе она занимает твердое место и, в частности, служит для образования инструментального падежа множественного числа в атематическом склонении и склонении основ на $-\alpha$. Основы на смычный и носовой, которые присоединяли к себе $-\phi\iota$ в Кноссе и Пилосе, $ro - r\acute{\iota}$ ($< *ro\acute{o}\phi\iota$), $ro\acute{o}\phi\iota - ja - r\acute{\iota}$ ($< *Σφ\eta\iota\iota\alpha\phi\iota$), в эпосе потеряли эту способность. Очень возможно, однако, что Гомер сохраняет остатки более широкого употребления этой формы, чем это имеет место в микенских документах⁸⁵. Микенский конечный элемент родительного падежа множественного числа I склонения $-\omega\iota\alpha\upsilon$ (графически... $\alpha\omega$) и родительного падежа единственного числа мужского рода I склонения $-\omega$ сохранились у Гомера в неизменной форме. С другой стороны, мы наблюдаем и сдержанное движение вперед. Тексты микенского времени обходятся совсем без артикля. Гомер пользуется им, но в гораздо более скромных размерах, чем это делают позднейшие авторы. Решающий поворот, превративший эмфатическое указательное местоиме-

⁸⁵ И. М. Тронский, Образование на $-\phi\iota$ в гомеровском эпосе, «Eirene», 1, Praha, 1960, стр. 37—50.

ние в новую часть речи, уже наступил, но эпический стиль еще не допускает это новшество в значительных размерах. Аналогично с глагольным приращением (аугментом) в претеритальных формах: единичный случай в микенских табличках, а у Гомера довольно частое употребление, однако не только не обязательное, как это было бы впоследствии, но даже не преобладающее. Впрочем, в отношении как артикля, так и аугмента, жанровые отличия документального стиля от эпического препятствуют продуктивности сопоставления.

Приведенные параллели относятся к области общегреческих языковых явлений, без диалектной дифференциации. Они доказывают, что архаический язык Гомера, близкий преемник языка микенской эпохи, но диалектная окраска сравниваемых языковых состояний при этом еще не уточняется. В этом отношении более показательны другие сближения: родительный падеж единственного числа тематического склонения на *-οιο*, патронимические прилагательные типа *Τηλεχιδέος Αἰκς*, двойное отражение слогового *γ с огласовками α и ο, начальная группа κτ- — все это характерное для микенских табличек сочетание диалектных явлений, свойственных центральногреческой (протоэолийской) и восточногреческой (протоаркадокипской и протоионийской) ветвям древнегреческих диалектов находит свое продолжение у Гомера. Обращают на себя внимание частые личные имена на *-εύς*; прилагательные с суффиксом *-εων*, которые у Гомера и в позднейшей литературе являются показателями высокого стиля, представляют собою в микенском обычные слова ³⁶.

Дж. Чедвик указал 37 микенских слов, — при ограниченности словарного состава табличек это не так уже мало, — которые фигурируют у Гомера в качестве редких «поэтизмов», и приписал их микенскому лексическому фонду эпоса ³⁷: *αιγυλις*, *δωκις*, *δελος*, *φειδως*, *φειδων* и т. п. Против этого резко возражал австралийский филолог Шипп ³⁸: по его мнению, никогда нельзя установить, откуда к Гомеру пришло слово, из микенского ли диалекта, или из другого, эолийского либо ионийского. Полемика эта бьет мимо цели, по крайней мере в той форме, которую ей придал сам автор. Если употреблять термины «эолийский» и «ионийский» в их точном смысле, обозначая ими диалекты первого тысячелетия, они не синхронны «микенскому», и микенские языковые элементы могли попадать к Гомеру только через промежуточный этап эолийской или ионийской традиции. Противопоставлять ранние этапы развития диалектных ветвей, протоаркадокипский и протоэолийский, микенскому тоже нецелесообразно. Мы видели, что микенский — смешение этих ветвей и не содержит в себе ничего, что не принадлежало бы по крайней мере одной из них. Додорийская Греция с ее «ахейскими» государствами была едина и в экономическом и в культурном отношении, и единому наддиалекту хозяйственных записей Кносса и Пилоса, Микен и Фив соответствовал, вероятно, несколько особый, но столь же единый наддиалект устной поэзии. Долгая догомеровская традиция греческого поэтического языка проходила через свою микенскую стадию и многое из нее сохранила. Ценность аркадо-кипских лексических параллелей к Гомеру, о которых мы выше говорили, состоит в том, что в замкнутой Аркадии и на изолированном Кипре, вдали от новых центров греческой культуры, возникших в постмикенское время, сохранилась в первом употреблении лексика второго тысячелетия, вошедшая некогда в эпиче-

³⁶ M. L e j e u n e, Les adjectifs mycéniens à suffixe *-ewt-*, «Revue des études anciennes», 60, 1958, стр. 5—26.

³⁷ J. C h a d w i c k, Mycenaean elements in the Homeric dialect, сб. «Minoica Festschrift zum 80 Geburtstag von J. Sundwall», Berlin, 1958, стр. 116—122.

³⁸ G. P. S h i p p, Essays in Mycenaean and Homeric dialect. Sydney. 1961, стр. 1—28.

ский язык и уже успевшая превратиться в архаизм в гомеровскую эпоху. Этим словарным фондом певцы пользуются не вполне свободно: старинная лексика бывает закреплена за традиционными формулами, занимающими определенное место в стихе ³⁹.

Таким образом, мы имеем все основания согласиться с В. И. Георгиевым, когда он определяет гомеровский язык как заключительный этап развития «крито-микенского койне» ⁴⁰.

Однако между микенским и гомеровским языком имеются некоторые расхождения, и притом весьма древние. Если отвлечься от незначительных и недостаточно проясненных деталей, дело сводится к двум моментам. Во-первых, в микенском сохраняется лабиовелярная серия смычных, которая в языке эпоса представлена своими нонийскими, а в единичных случаях эолийскими отражениями. Во-вторых, форма родительного падежа единственного числа тематического склонения оканчивается в микенских документах только на -ою, между тем как у Гомера рядом с ней — и даже с небольшим численным перевесом — употребляется форма на -ою < -ою.

Для тех многочисленных исследователей, которые относят переход лабиовелярных в губные и переднеязычные к послемикенскому времени и, с другой стороны, возводят -ою к -ою, ни то, ни другое отличие эпоса от микенских документов не создает каких-либо трудностей: оба процесса, с точки зрения этих авторов, произошли между XIII и VIII вв. в порядке нормального фонетического развития. Однако вопрос не решается так просто. Фонетическое развитие лабиовелярных в послемикенскую эпоху приводило только к их эолийской лабиализации, и -ою восходит не к -ою, а к *-ою. Упомянутые нами расхождения между микенскими текстами и Гомером не возникли в исторический промежуток времени, отделяющий эти сопоставляемые памятники. Это — основополагающие для диалектной структуры греческого языка различия, идущие из далекого прошлого, от общегреческой эпохи. Сохранение лабиовелярных и родительный падеж на -ою характеризовали протоэолийскую ветвь, переход лабиовелярных в губные и переднеязычные и родительный падеж на -ою < *-ою являлись отличительными чертами протоноийской и протокипрской ветвей совместно. Для того чтобы перейти от надписей Кносса и Пилоса к Гомеру, недостаточно простого фонетического процесса, — нужна трансплантация в иную диалектную среду, замена звуков и замена форм.

Такое предположение вполне допустимо. В «темный» период греческой истории, наступивший вслед за крушением «ахейских» государств, эпический язык мог подвергнуться и, как мы увидим, действительно подвергнулся, различным диалектным влияниям. Совершенно естественно по отношению к бывшим лабиовелярным, что нонийский гомеровский эпос озвучен на нонийский лад. Формой на -ою > -ою эпический язык тоже мог обогатиться в своих странствиях. Однако это не единственная возможность и вряд ли самая вероятная.

Реальные говоры микенской Греции принадлежали к протоэолийским и к протокипрским ветвям, родственным протоноийским. Оба рассматриваемые нами диалектных противопоставления — и по трактовке лабиовелярных, и по форме родительного падежа ед. ч. тематического склонения — существовали внутри самих микенских говоров. Для того чтобы певец мог пользоваться формой на -ою рядом с формой на -ою, не нужно было воздействий извне: обе существовали синхронно на территории микенской Греции. Единый язык микенских административно-хо-

³⁹ Этот вопрос подробно разработан в обстоятельной монографии К. Гуйера (см. примеч. 35).

⁴⁰ V. Georgiev, *Das Problem der homerischen Sprache im Lichte der kretisch-mykenischen Texte*, об. «Minoica und Homer», Berlin, 1961, стр. 19.

эпических записей обнаруживает черты, позволяющие определить его как наддиалект. Язык песнопений, предок эпического языка гомеровского времени, по-видимому, тоже имел наддиалектный характер. Но эти два разнофункциональные диалектные образования не должны были совпадать во всех деталях. В языке документов преобладает протоэолийское начало и соответственно форма на -*ою*. Певцы обращались к разнодиалектной аудитории и, судя по позднейшей гомеровской практике, стремились обогатить свой языковой запас синонимическими формами разной просодической структуры. Можно считать весьма вероятным, что поэтический язык уже в микенские времена употреблял формы с пиррихическим конечным элементом -*ою* на равных правах с трохейским -*ою*⁴¹. Что же касается лабиовелярных согласных, то способ их произношения был просодически безразличен и не релевантен для певцов, которые могли даже, обращаясь к аудитории разных районов, в случае надобности варьировать фонетическую реализацию этих фонем.

Однако, как бы ни решался этот все же частный вопрос, гомеровский язык заставляет постулировать в качестве своего предшественника устно-поэтический язык микенского времени. Анализ традиции других, более поздних поэтических языков приводит к этому же выводу, независимо от гомеровского влияния на них. Письменные тексты на этом языке не сохранились, и весьма сомнительно, чтобы такие записи когда-либо существовали. Не будучи засвидетельствована прямым образом, поэтическая разновидность греческого языка микенской эпохи может быть восстанавливаема только в гипотетическом порядке, но гипотеза эта является основополагающей для толкования всего последующего процесса развития греческих литературных языков, начиная с гомеровского. Именно этот язык, богатый и гибкий, если судить о нем по его преемнику, эпическому языку, язык с четкой грамматической структурой, прочными стилистическими традициями и способностью осваивать инородный материал, обеспечил грекам второго тысячелетия до н. э. победу в языковом столкновении с аборигенами южной части Балканского полуострова.

Смещение в лингвистической системе эпоса тех элементов, которые в послемикенское время характеризуют эолийские и ионийские говоры, частично восходит, таким образом, еще к микенскому поэтическому языку. С исторической точки зрения эти явления следовало бы именовать «микенизмами». В свете данных об этом языковом слое вопрос об эолизмах и новизмах в гомеровском языке нуждается в пересмотре. В связи с тем, что ряд особенностей эпического языка, считавшихся раньше эолизмами, ныне перешли в разряд микенизмов (рефлексы **r*, патронимические прилагательные, формы на -*ою*, -*бо*, -*бю*, -*чи* и т. д.), возникла даже тенденция отрицать само существование эолизмов у Гомера⁴². Однако эолизмы, не засвидетельствованные в микенских памятниках, а иногда и возникшие заведомо в послемикенское время, в эпосе имеются: губные рефлексы лабиовелярных перед гласными переднего ряда, геминация плавных и носовых, дательный падеж множественного числа на -*эзи*, инфинитив на -*мэу* и т. д. Для того чтобы объяснить столь явную эолизацию эпического языка, надо обратиться к развитию эпического творчества в «темные века» греческой истории.

Около 1200 г. пал Пилос; примерно через 75 лет разрушены были Микены. Причины распада микенского общества остаются не выясненными.

⁴¹ Такую возможность принимает также и Кирк, но в рамках пной историко-лингвистической концепции (G. S. Kirk, *The songs of Homer*, Cambridge, 1962, стр. 143).

⁴² K. Strunk, *Die sogenannten Äolismen der homerischen Sprache*, Diss., Köln, 1957.

Прежде считалось само собою разумеющимся, что оно пало под натиском дорийцев. В настоящее время объяснение это представляется не столь несомненным, с тех пор как установлено, что дорийские поселения на месте прежних микенских говоров возникали лишь через несколько десятилетий после их разрушения. Но каковы бы ни были здесь причинные соотношения, крушение микенского мира и заселение восточного Пелопоннеса и южных островов дорийцами — явления, исторически связанные. Этнический облик юга Балканского полуострова обновился в результате притока новых грекоязычных племен и их перераспределения. «Ахейское» население Пелопоннеса сохранилось в горной Аркадии. В других местах оно смешалось с дорийцами, окрасив диалект соответствующей области чертами «ахейского» субстрата (Арголида, Лаконика, Крит). Третьи, наконец, выселились на Кипр, в Аттику и оттуда в Ионию. Переселения происходили и к северу от Истма: западгреческие племена распространялись в Беотию и Фессалию. В этой новой обстановке выкристаллизовались эолийские и ионийские диалекты исторического времени. На развалинах некогда единой микенской цивилизации отдельные области развивались самостоятельно, но не обособленно, и притом в едином направлении. В «темные века» греческое общество начинает новый путь своего развития, производственного — на основе изготовления железных орудий, социального — с земледельческими общинами, перерастающими впоследствии в полисы, идеологического, который приводит к созданию новой религиозно-мифологической системы «олимпийских» богов, художественного, которое после промежуточного «субмикенского» периода вырабатывает протогеометрический, а затем геометрический стиль. Но к какой бы сфере жизни мы ни обратились, микенское прошлое продолжает участвовать в ней своим наследием.

Поэтический язык — одна из наиболее важных частей этого наследия. «Темные века» сохранили его в устной традиции вплоть до гомеровских времен, — но по каким путем? Некоторые современные исследователи, например Т. Уэбстер⁴³ и С. Уитман⁴⁴, указывают на Афины как на единственный избежавший разрушения микенский городской центр, где в 1100—950 гг. могла сохраняться традиция профессионального поэтического языка и откуда она могла перейти в Ионию. Но ни сюжетно-мифологическая сторона «Илиады» и «Одиссеи», ни их языковая система не содержит следов какой-либо древнеаттической стадии эпоса. Основные герои аттического мифа, Кекроп, Фесей (Тезей) и другие, лишь отдаленно связаны с теми мифологическими циклами, которые отражены у Гомера; выступающие в «Илиаде» афиняне играют в ней совсем второстепенную роль, и Писистрату пришлось прибегнуть к интерполяции, для того чтобы ввести в гомеровский текст некоторое прославление Афин (например, «Илиада» II 553—555, 558). Если бы Афины играли роль в праистории эпоса, аттические герои занимали бы там гораздо более значительное место. С другой стороны, языковые аттицизмы гомеровской вульгаты характеризуют не самый гомеровский текст, а только его рукописную традицию. Путь через Афины не приводит к цели.

Между тем, «Илиада» ясно показывает, какие области ахейского мира в ней особо акцентированы. С одной стороны, мы имеем группу пелопоннесских фигур, связанных с основными центрами микенской культуры. Это царь Микен Агамемнон, верховный вождь собравшейся под Троей ахейской рати, его брат, царь Спарты Менелай, жену которого похитил виновник троянской войны Парис, престарелый царь Пилоса Нестор, далее ар-

⁴³ T. B. L. Webster, *From Mycenae to Homer*, London, 1958.

⁴⁴ C. H. Whitman, *Homer and the heroic tradition*, Cambridge (Mass.), 1958.

госец Диомед, критянин Идомей, саламинец Аякс. Не исключена возможность, что по крайней мере часть этих персонажей — носители исторических имен микенских деятелей. Всему этому кругу противопоставлен главный герой «Илиады» фессалиец Ахилл, полусказочный фольклорный богатырь, с чертами юного умирающего бога. Область Ахилла, Фтиотида, не имеет глубоких микенских связей, но находится рядом с той самой «Диадой», с которой связано позднейшее имя греческой территории и греческого народа. Известно значение Фессалии в выработке религиозно-мифологической системы греков первого тысячелетия до н. э. Исследователи неоднократно обращали внимание на ее роль также и по отношению к героическим сказаниям⁴⁵. Фессалия, особенно ее восточная часть, была менее всего затронута разрушениями и переселенцами конца второго тысячелетия. Не следует думать, что Афины были единственным сохранившимся от микенской эпохи городом. Фессалийский Иолк тоже оставался нетронутым. Не удивительно, что именно на этом ареале нашло свое продолжение поэтическое искусство микенской эпохи. Для гомеровского эпоса она уже является только историческим воспоминанием, неким отправным пунктом, героическим прошлым, к которому отнесено действие сказаний. Как это часто бывает в истории эпоса, воспеваются то, чего уже нет, и что окутано дымкой предания. Но самые предания оформились уже в «темные века», и выдающееся место в этом процессе принадлежит Фессалии. С континента эпические песни распространялись на Лесбос и далее, в малоазиатскую Эолиду.

Эолийская окраска, которую приобрел микенский поэтический язык, является, таким образом, вполне естественной; она обоснована историческим процессом развития микенского песнопения, переместившегося на северо-восток. Скорее можно спросить себя о другом: почему этих эолизмов в гомеровском тексте так мало? Ответ, думается, должен быть двойной. Во-первых, многие эолийские черты были утрачены на последующем ионийском этапе развития эпоса. За ничтожными исключениями эолизмы, не поддерживаемые микенской традицией, сохранились лишь тогда, когда в ионийском не было для них равноценной просодической замены. В этом отношении Фик был прав. Но не менее важно другое. Надо полагать, что этот прямо не засвидетельствованный, известный нам по своим пережиточным остаткам внутри гомеровского текста поэтический язык эолийского эпоса вовсе не следовал за живой эолийской речью во всех деталях. Как и его предшественник, поэтический язык микенского времени, он оставался наддиалектным. «Эолизация» этого языка состояла в его новой окраске, в примеси к нему эолийских диалектизмов, в обогащении его новыми формами. Общеэолийские явления, как мы видели, всегда попадали в эпический язык хотя бы на правах новых вариантов наряду с уже существовавшими. От использования особенностей отдельных диалектов певцы, по-видимому, воздерживались. Странствующему аэду приходилось иметь дело с носителями разных диалектов, и он старался быть общепонятным.

На малоазиатском побережье и близлежащих островах эолийская эпическая поэзия была освоена лонийцами, устремившимися около 1000 г. (или немного ранее) через Эгейское море. К концу «темных веков» это была наиболее передовая область Греции. Связь ее возникало рабование, позднее на убыль в постмикенское время, развивались полисы, проходило непосредственное соприкосновение с культурами Востока, возродилось письмо, отныне уже не слоговое, а алфавитное, — и здесь, на более

⁴⁵ W. D. G e d d e s, The problem of the Homeric poems, London, 1878, стр. 236; P. C a n e r, Grundfragen der Homerkritik, I, Leipzig, 1921, стр. 224—295; G. S. K i r k, The songs of Homer..., стр. 150—156.

высокой степени эпического творчества, были созданы гомеровские поэмы.

На своем ионийском этапе эпический язык опять получал новую диалектную окраску. Безболезненно проходили и, осодически irrelevantные замены, η вместо ε, 3-е лицо ед. числа имперфекта ἦν вместо ἴς. Сложнее было с другими фонетическими процессами, которые определяли облик ионийского диалекта в первом тысячелетии, но при этом изменяли просодические параметры языка, как-то: с выпадением неслогового ζ (дигаммы), количественной метатезой, ростом контракций. Явления эти плохо датируются, но все они, по-видимому, относятся к последним векам, предшествующим Гомеру. К гомеровскому времени, т. е. к VIII—VII вв., в живой ионийской речи все это установилось, но в эпический язык проникло чрезвычайно медленно. Отсюда получалась характерная для гомеровского языка не только разнодиалектность, но и амальгама старого и нового, при решительном количественном преобладании старых форм. Значительно меньшую роль играют ионийские морфологические нововведения: γ ἐφαλκτοῖν, претеритальное окончание 3-го лица мн. числа -αυ, вместо -υ (ἐστραυ) наряду с ἐστχ), местоимения ἦμεῖς и οἱμεῖς (без придыхания, придыхание — аттизм) и т. п.

А. Мейе в своем «Очерке истории греческого языка» заканчивает главу о гомеровском языке замечанием, что язык этот, созданный в Азии эолийцами и ионийцами совместно и заключающий в себе, быть может, даже «ахейские» элементы, именно в силу своей многодиалектности стал общим достоянием всех эллинов. «Древнейший поэтический язык Греции, — писал Мейе, — тот язык, который оказал влияние на все прочие, не имеет четкого диалектного характера, не принадлежит никакому отдельному диалекту, и им пользуются все греки»⁴⁶. Замечательному французскому исследователю, столь много сделавшему для правильного истолкования лингвистической системы Гомера и ее места в общем процессе развития греческого языка, представлялось, по-видимому, что гомеровская полидиалектность является неким побочным продуктом миграции апоса из «ахейских» областей в эолийские, а затем в Ионию. Читателю настоящей статьи предлагается иная концепция: наддиалектный характер греческого поэтического языка отнюдь не историческая случайность. Это его исконное свойство во все периоды, доступные наблюдению или хотя бы подпадающие исторической реконструкции; оно сохранилось и впоследствии, сопровождая все многовековое развитие греческой поэзии.

⁴⁶ A. Meillet, Aperçu d'une histoire de la langue grecque, Paris, 1920, стр. 132.